

Ся Сяому был в порядке, просто он был сильно смущен, думая, что именно слова Нин-Нин только что должны были вызвать у него непонимание, и объяснил: «Я думал, тебе не нужна эта куртка, поэтому...»

Тон Лу Цзинханя был холодным, с некоторым презрением:

«Значит, ты можешь просто отдать его? И отдать его такому человеку?»

Ся Сяому хотел объяснить, что не отдавал одежду, что это просто случайность и на самом деле они собирались дать объявление о продаже. Если Лу Цзинхань передумал, то он готов извиниться перед ним и вернуть одежду.

Но услышав от него эти слова, он передумал делать чистосердечное признание. В его душе смутно разгорался какой-то огонь, а глаза уже не были мягкими и добрыми:

«Что это значит, старший брат, что ты подразумеваешь под «таким» человеком?»

Сюй Нин-Нин так испугалась, что потянула его за руку в сторону: «Сяо Му-Му...»

Лу Цзинхань думал, что он никогда не был мелочным человеком, и этот инцидент не был тем, из-за чего стоит злиться, но когда он увидел глаза Ся Сяому, которые смотрели прямо на него с разочарованием, он был необъяснимо расстроен.

Было ясно, что пятнадцать минут назад он любовался его улыбающимися глазами, они были яркие, как звезды, а теперь это был колючий и настороженный взгляд.

Лу Цзинхань вздохнул, это было всего лишь небольшое дело, если он продолжит заикливаться на нем, он не знал, как сильно он может потерять самообладание.

Бросив последний взгляд на Ся Сяому, он развернулся и ушел.

Сюй Нин-Нин схватил Ся Сяому за рукав обеими руками: «Сяо Му-Му, ты, ты такой крутой? У меня руки вспотели от страха».

Ся Сяому нахмурился: «Кто разрешил ему так говорить о нас?»

«Но было бы лучше, если бы мы сейчас все четко объяснили. Я слышал, что в частной жизни он очень влиятельный человек, и тот, кто его разозлит - плохо кончит».

Ся Сяому: «Тогда посмотрим что будем, нам все равно не избежать беды».

Говоря это, в глубине души он испытывал некоторую тревогу.

Хотя по сюжету романа Лу Цзинхань безнадежный подкаблучник, в бизнесе он довольно грозный человек, и часто использовал темные и безжалостные методы. Если бы не это, он бы не смог захватить всю компанию Лу в свои двадцать лет.

Он также никогда не относится снисходительно к тем, кто его обидел.

Но, вряд ли Лу Цзинхань будет мстить из-за этого инцидента, правда же?

После обеда у Ся Сяому не было занятий, и он вернулся в общежитие, простившись с Сюй Нин-Нин.

Первоначальный владелец, похоже, имел неважные отношения со своими соседями, и обычно мало общался. Когда он впервые попал в этот мир, Ся Сяому был благодарен за это, по крайней мере, ближайшие окружающие не заметили бы в нем ничего странного.

Но, по прошествии месяца, Ся Сяому намеренно попытался затесаться среди мальчишек, и обнаружил, что его соседи по комнате намеренно сторонятся его. Интересно, что произошло между первоначальным владельцем и его соседями по комнате?

В общежитии сейчас пусто, а перед одной из коек стоит большой мольберт с картиной, написанной маслом. На толстом холсте - пейзаж, который еще не закончен, а рядом коробка масляных красок с различными кистями и инструментами.

Ся Сяому не мог не подойти и не провести руками по холсту, краскам, кистям. Знакомое прикосновение заставило его заново вспомнить о своей огромной любви к живописи.

Уже больше месяца он ничего не рисовал, и теперь у него чесались руки.

«Ся Сяому, что ты делаешь?!»

Когда его соседи по комнате вернулись, Сюй Чжэ увидел, что Ся Сяому трогает его масляные краски, и воскликнул.

Ся Сяому обернулся и инстинктивно отпрянул: «Ничего, просто хотелось посмотреть».

Сюй Чжэ повысил голос и спросил: «Тебе нравится этот набор красок для масляной живописи? Это японский продукт высшего качества, он стоит тысячу юаней».

Ся Сяому слегка улыбнулся: «Правда? Это дорого».

Сюй Чжэ: «Ничего, я могу заработать их за два дня, рисуя портреты людей».

«Ты продаешь портреты людей?» Ся Сяому заинтересовался: «Как?»

Сюй Чжэ недоверчиво оглядел его с ног до головы.

«Ты знаешь коммерческое здание Century, где собираются самые богатые люди в городе С? Ты можешь принести свою доску для рисования и сидеть внутри, чтобы писать портреты своих клиентов, и никто не будет возражать против того, чтобы платить тридцать за один портрет».

Хотя тон Сюй Чжэ был нетерпеливым, он также научил его некоторым навыкам и вещам, необходимым для подготовки к работе свободным художником.

Ся Сяому как будто услышал хорошую новость. В его прежнем мире, хотя его и использовали в своих интересах, он имел множество благ и привилегий, и ему никогда не приходилось искать деньги.

Он благодарно улыбнулся своим соседям по комнате: «Спасибо, я угощу вас всех ужином, когда заработаю немного денег».

После того как Ся Сяому покинул общежитие, Чжан Вэй, другой сосед по комнате, сказал удивленно и презрительно:

«Я уже говорил Ся Сяому, что он может заняться живописью, чтобы заработать на жизнь, но в то время он был настолько высокомерен, что не хотел меня слушать. А теперь он решил пойти».

Сюй Чжэ: «Он должно быть бедный и жалкий, ты видел, как он только что смотрел на мои инструменты? Он хотел, чтобы у него из глаз росла пара рук*. На всякий случай, я должен убрать свои сокровища».

*на манер пословицы «глаза загребушие»

Чжан Вэй облегченно рассмеялся: «Не думаю, что ему это интересно. Ся Сяому изучает китайскую живопись, для чего ему нужны масляные краски».

«Кто знает, для такого жалкого и нищего человека нет ничего святого».